

когда шла с кронпринцем под руку — уж очень хорошо он вел!». ⁴⁶ В «Грасском дневнике» Кузнецова передает свое понимание того, как ощущает себя после приезда Бунин: «Видно, он мало насладился своей короткой славой в Швеции, да и действительно прошло все потрясающе быстро, так что кажется, будто снилось» (с. 367).

Еще более категоричен Зуров, если и не говорит об этом прямо, все же склонен винить в бунинском тяжелом состоянии духа парижскую эмиграцию, но и Бунина тоже: «Высказывания Ив. Ал-ча раздражали (и раздражают) многих (приписка на полях: «Кое-кто его люто ненавидит до сих пор». — И. Б.) (...) Грехов у русских литераторов немало, согласен, что и говорить, но ведь все русские литераторы мученики (А Ив. Алек. был больной — он замучил сам себя и других после славы. Это был и для него ад! А какая ненависть поднялась, какая была озлобленность потом против него. И он все для этого делал. А до того эти же люди к нему припадали, его услаждали, развращали, какие адреса подносили, в кумиры возвели, золотили»).

Это высказывание (оно закономерно венчает несколько аналогичных замечаний в письмах Зурова к Буниной) можно считать мемуаром с ключом, в особенности в той его части, где сказано, что Бунин «после славы» замучил себя и других. Он оказался для «своих» в Грассе как будто по другую сторону окна. Чуткая Вера Николаевна ощутила это почти сразу после получения известия о бунинской победе. Уже 13 ноября она записывает в дневнике: «За эти дни произошли такие важные события, вернее событие, что чувствуешь, что это грань. (...) Сейчас вечер. Все уже по своим комнатам. Мне очень тяжело и грустно. Хочется плакать. Кажется, что теряешь что-то дорогое, то есть бедность, уединение». ⁴⁸ И, возвращаясь к этому событию в последний день 1933 года, подводя итоги, записала в дневнике: «Не знаю даже, как отнестись к Нобелевской премии. С ней тоже что-то утерялось дорогое для меня в Яне». ⁴⁹

Г. Н. Кузнецовой потребовалось «осмыслить все происшедшее за эти три месяца», прежде чем 19 февраля 1934 года она отметила в «Грасском дневнике»: «Когда я теперь оглядываюсь назад (...), я вижу, что И. А., в сущности, получал премию один, как-то мгновенно отделившись внутренне, как только получилось подтверждение телеграммой неразборчивых телефонных голосов из Стокгольма. (...) уехав в Париж, он на (...) светлом не удержался (...) и потом около двух недель длился кавардак. Когда мы приехали, он был вне себя, ничего ясно не сознавал, на все отзывался неправильно. (...) В Стокгольме вел себя как *enfant terrible* все время, кроме часов на людях, на банкетах и в гостиных, где был очарователен и неотразим, по всеобщему мнению. (...) Пришел он в себя, в сущности, только здесь (в Грассе. — И. Б.), и опять в нем стало проявляться то, что я люблю в нем, — все же эти быстрые, как сон, три месяца его славы он отсутствовал» (с. 368). ⁵⁰

⁴⁶ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 20 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS. 1067/7943).

⁴⁷ Письмо Л. Ф. Зурова к М. Э. Грин от 3 ноября 1963 года (Ibid. MS.1068/2984). В записях рассказов Л. Ф. Зурова, сделанных М. Э. Грин, есть также такая фраза: «Ив. Ал. (Ноб. пр.) ударила в голову, стал жить, стало шумно в Грассе» (Ibid. MS. 1068/3207). См. также созвучное в мемуарах З. Г. Шаховской: «Как-то, вопреки своей воле, И. А. в ту пору, в 30-х годах, деньги все-таки тратил: одной из молодых писательниц вставил зубы, другой купил платье, еще кого-то чем-то одарил за то, что поплясали перед ним, — и дом Буниных остался пустодомом» (Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 212).

⁴⁸ Дневник В. Н. Буниной за 1933 год (Leeds Russian Archive. MS. 1067/408). Эта часть записи не вошла в публикацию М. Э. Грин «Устами Буниных».

⁴⁹ Дневник В. Н. Буниной за 1933 год // Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 299.

⁵⁰ Отмечая усталость Бунина от постоянно длящегося праздника, Цвибак рассказывает о том, как тот мгновенно менялся, общаясь с людьми, оказывавшими ему почести, как вдруг начинал говорить «бодрым, привычным „лауреатовским“ тоном» (Седых А. Далекое, близкое. С. 201).